

РЕЦЕНЗИИ

Т.А. Репина. Сравнительная типология романских языков (французский, итальянский, испанский, португальский, румынский). С.-Петербург. Изд-во С.-Петербургского университета. 1996. 279 с.

Один из классиков романистики прошлого века сказал, что перед этой наукой стоит двойная задача: показать отличия романских языков от языков других групп и различия между романскими языками. Сравнительная типология должна, следовательно, выявить специфическую общность романских языков и различия между ними, т.е. соотношение общего и особенного в мире романских языков. В отечественной романистике были исследования подобного рода. Так, в книге [Катагощина, Вольф, Лухт, Гурычева 1972] убедительно показывается, что несмотря на значительные расхождения и специфические черты, романские языки проявляют структурную общность, особенно в свете морфологии и синтаксиса. Рецензируемая книга Т.А. Репиной, задуманная как университетский учебник, обращаясь к этой общей проблеме, ставит несколько иные задачи. В этой работе подчеркивается ономаσιологический аспект в сопоставительном исследовании, при котором выявляются схождения и расхождения в способах передачи семантических языковых универсалий в разных языках. Такой подход при изучении родственных языков особенно интересен. Обычно в сопоставительных, сравнительно-типологических исследованиях разносистемных языков вопрос о структурной общности отходит на второй план. При сопоставительном анализе родственных языков нередко выявляется, что различие между ними состоит в том, что одна и та же тенденция в разных языках достигает различного этапа в своем развитии. Именно общность тенденции лежит в основе структурной общности данной языковой группы, тогда как различия в ее реализации обуславливают разнообразие входящих в эту группу языков. При этом оказывается возможным наглядно показать то специфически новое, что вносит данный язык в решение соответствующей коммуникатив-

ной или структурной задачи, а также степень удаленности родственных языков друг от друга.

Автор преследует, таким образом, двойную цель: определить структурный тип и структурную общность романских языков и вместе с тем выявить особенности вербального мышления носителей этих языков, их языковую реакцию на явления и отношения объективного мира. Книга разделяется на две части. В первом разделе исследуются различия в системах романских языков и проблема общности их структурного типа. Здесь сопоставляются именные и глагольные системы пяти крупнейших романских языков: французского, испанского, итальянского, португальского, румынского. Попутно затрагиваются существенные вопросы других звеньев грамматической системы этих языков: местоимений, проблем синтаксиса. Основным методом анализа является сопоставление переводов с одного романского языка на другой, используются также сравнения с латинским и русским языками. После анализа грамматических категорий имени и глагола дается обзор соответственно именных и глагольных систем в их отношениях к структурному типу языка.

Второй раздел менее традиционен. В нем рассматриваются некоторые особенности отражения положения вещей в реальном мире, прежде всего различия "человек/вещь", а также количественные, пространственные, временные и посессивные отношения. Здесь большее внимание уделяется лексическим явлениям.

В плане категории рода существительных автора интересует прежде всего проблема идентификации рода у существительных неодушевленных. Он приходит к выводу, что в потоке речи в именной группе род маркирован в итальянском языке в 90–92% всех случаев, в испанском и португальском – в 70–75%, в румынском – в 50–55%, во фран-

цузском — в 30–35%. В этом отношении французский и румынский языки оказываются на периферии романской общности. Основными идентификаторами в первых трех языках являются окончания слова, во французском — некоторые суффиксы, в румынском — окончание женского рода, связанное с категорией числа. Французский язык рассматривается только в его устной форме. Во всех языках мира грамматические формы в письменной и устной речи могут не совпадать (например, у слова *книга* на письме различаются пять падежных форм, а в устной речи — четыре), но во французском языке расхождение между устным и письменным кодами дошло до такой степени, что в этом языке следует различать две морфологии: морфологию устной и морфологию письменной речи. В сфере выражения категории рода и числа первая характеризуется аналитизмом (неизменяемостью слова), второй свойственны приемы агглютинации. Автор ограничивался устным кодом французского языка. Однако письменный код, орфография языка являются также фактами вербального мышления носителей языка, в языковом сознании которых присутствует и графическая форма слов и форм. Если учитывать и графическую форму французских слов (что особенно важно в учебных целях, поскольку, в отличие от носителя языка, иностранный учащийся нередко знакомится в первую очередь с графической формой слова), то число идентифицируемых в отношении рода имен резко повысится, тем более, если наряду с суффиксами обращаться к словообразовательным связям. Возьмем небольшой фрагмент: существительные с исходом на [i]. Они могут иметь три графических оформления: "чистое" *-i*, *-i* с неммым гласным (только *-ie*), *-i* с непроизносимым согласным (*-it*, *-is*, *-id* и др.) В первом случае все имена — мужского рода (в частности, отглагольные имена типа *oubli* <*oublier*, *ennui* <*ennuyer*), кроме двух исключений: *fourmi*, *merci*. Во втором — все имена женского рода, в том числе с суффиксами *-ie*, *-erie* (кроме *incendie* и некоторых слов естественного рода, обозначающих лиц мужского пола: *un imple*, *génie*, *messie*, *sosie*). В третьем случае все слова — мужского рода, в том числе с собирательным суффиксом *-is* (*ramassis*); исключения составляют *souris*, *nuit*, *perdrix*, *brebis* (последнее слово — "овца" — имеет естественный род). Итак, на несколько сот слов приходится только шесть реальных исключений, если учитывать и письменный код, который является психологической

реальностью для носителя языка. Следует отметить, что при анализе родовых показателей португальского языка автор считает целесообразным ориентироваться и на графический облик слов.

Было бы, однако, интересно, в плане сопоставления вербального мышления носителей разных языков, сравнить и способы выражения реального, естественного рода. Форма выражения рода влияет и на способ образования номинаций лиц по полу. Так, выражение рода окончаниями облегчает в испанском языке формирование таких номинаций, и суффиксальным или супплетивным формам французского языка в нем соответствуют наименования, различающиеся лишь родовым окончанием. Это проявляется и в терминах родства. Ср. франц. *oncle/tante* и исп. *tío/tía*; *frère/sœur* и *hermano/hermana*. В испанских диалектах вместо *yerno/nuera* "зять/невестка" отмечены формы *yerno/yerna* или *nuero/nuera*, т.е. обобщается указанный выше прием. Ср. также: *pintor/pintora*, *pastor/pastora*, *ingeniero/ingeniera*, — аналогичные формы женского рода отсутствуют во французском языке.

В сфере категории числа сопоставляется, напротив, реальное число (у счисляемых существительных), тогда как формальное число (например *pluralia tantum*) остается в стороне. Во французском языке принимается во внимание только устный код, хотя различия между двумя морфологиями здесь еще более значительны, чем в категории рода: в устном французском тексте множественное число выражается в 2% всех случаев, в письменном — в 90%. По способам выражения числа романские языки дают больший разброс, чем в области грамматического рода: французский устный проявляет аналитизм, испанский и португальский (к ним можно было бы добавить и французский письменный) — агглютинацию, итальянский и румынский — флексию (в последнем она сопровождается часто и внутренней флексией).

Имя существительное по-разному оформляется в различных языках в синтаксических функциях подлежащего, прямого и косвенного дополнений. Французский, итальянский, португальский языки оформляют подлежащее и дополнение без предлога, тогда как косвенное дополнение оформляется с помощью предлога. Им противостоят испанский язык, в котором косвенный одушевленный объект оформляется предлогом *a*, и румынский язык, где такой же объект сопровождается предлогом

ре и дублируется приглагольным местоимением. Местоименная реприза объекта при его препозиции глаголу характерна для всех романских языков, но в румынском она более грамматизирована. В области местоименной репризы, которая является общей характерной чертой романских языков, каждый из них имеет свою специфику, что отмечается в книге.

Рассматривая категорию детерминации, автор останавливается на различиях в объеме группы артиклей в романских языках и возможности их элизии и слияния с предлогами. Наиболее многочисленны слитные формы в португальском языке, наименее – в испанском и румынском. Частичный артикль и неопределенный множественного числа имеются только во французском и итальянском языках: формы типа исп. *unos* и рум. *niște* в число артиклей автор не включает. Подробно изучается интересный вопрос о совместимости артиклей с детерминативами и детерминативов между собой. Автор касается известного дискуссионного вопроса о статусе артикля среди частей речи. Он склонен разделять точку зрения тех зарубежных и отечественных ученых, которые считают, что артикль не представляет собой части речи и не должен включаться в часть речи детерминативов, но рассматриваться как выразитель категорий имени. Но вопрос заключается в том, что части речи – это классы слов, как знаменательных, так и служебных. Классификация должна быть всеобъемлющей, т.е. любой элемент языка, признаваемый как слово (знаменательное или служебное), должен найти в ней свое место. Таким образом вопрос сводится к тому, является ли артикль отдельным от имени словом (пусть даже служебной частицей) или он представляет собой часть словоформы существительного. Это, в свою очередь, ставит вопрос о границах существительного. Если признать артикль частью существительного, то образования типа *au bois, du bois, par le bois* придется интерпретировать как формы склонения имени. Романские словари считают артикли особыми словами. Следовательно, они должны найти свое место в инвентаре частей речи. Они могут рассматриваться как особая часть речи или включаться в разряд детерминативов, с которыми их объединяют семантические, морфологические и дистрибутивно-синтаксические свойства. Особым образом обстоит дело в румынском языке, где определенный артикль является морфемой в корпусе слова, а неопределенный представляет собой отдельное служебное

слово. Но это – специфический случай, встречающийся и в других языках, когда парадигматические отношения устанавливаются между служебным словом и морфемой.

Несмотря на тщательно рассмотренные различия, автор устанавливает структурную общность именных систем разных романских языков. Основной чертой, объединяющей романские именные системы, автор считает выражение грамматических значений в синтаксической группе имени и централизацию грамматических характеристик в начале этой группы, преимущественно в форме артикля, причем постпозитивный румынский определенный артикль перемещается от существительного к препозитивному прилагательному (не является ли это свидетельством того, что артикль в конечном счете принадлежит не слову, а именной группе, выражая прежде всего синтаксические, а не морфологические значения?).

В главе о глаголе последовательно рассматриваются глагольные категории. В параграфе о наклонении интересно наблюдение о презумптиве. В западнороманских языках предположительность выражается транспозицией форм будущего времени в план настоящего или прошедшего, либо особым употреблением кондиционалиса. В румынском языке, наряду с этими средствами, существует особая предположительная аналитическая форма, созданная на основе герундия. Это дает основание для выделения презумптива в этом языке в особое наклонение. Может быть, развитие специальных форм выражения неочевидности в румынском языке можно сопоставить с развитием аналогичных по значению (но не по форме) структур в болгарском языке.

Если румынский проявляет специфику в отношении косвенных наклонений, то итальянский – в сфере залога, употребляя пассивные формы с глаголами движения (*andare, venire*) для подчеркивания процесса достижения результата. Это своего рода пассивный коррелят к устаревшей французской конструкции *aller + герундий*.

Видо-временная система романских языков рассматривается одновременно на уровне форм и значений. В первом аспекте обращает на себя внимание асимметрия простых и сложных форм в румынском языке, где нет сложного плюсквамперфекта: он восходит к простому плюсквамперфекту латинского конъюнктива. Кроме того оба будущих времени в этом языке – сложные (глагол "хотеть" + инфинитив). Отмечается

малая коммуникативная значимость сложного претерита (типа франц. *il eut fait*), который совсем исчез из французской разговорной речи и из парадигмы португальского языка. Но в семантическом отношении сложные временные формы всех языков характеризуются синкретичным совмещением относительного временного значения и видового значения совершенности. Все же значительная роль сложных временных форм в романских языках позволяет видеть в них проявление единства структурного аналитического типа, отличающего эти языки от синтетического латинского прототипа.

Во втором разделе книги, как отмечалось, сравниваются лексико-грамматические микросистемы, отображающие в исследуемых языках реакцию на объекты и отношения внеязыкового мира. Прежде всего рассматриваются языковые формы, различающие человека и предмет (вещь). В русском языке эта оппозиция проявляется в употреблении падежных форм мужского рода, тогда как в системе местоимений различие это не находит выражения. В романских языках, напротив, существительное лишено грамматической категории одушевленности/неодушевленности, которая зато находит многообразное отображение в системе и функционировании местоименных форм. Причем, если неударные (приглагольные) местоимения безразличны к этой оппозиции, то самостоятельные местоимения в каждом языке по-своему фиксируют ее. Проследивается релевантность этой смысловой категории в группе вопросительных и неопределенных местоимений. Во всех языках, кроме французского, выработаны специфические местоименные формы вежливости.

Романским языкам свойственна асимметрия в обозначении человеческого существа по полу и по его социальной функции. Так, во французском языке слово *homme* обозначает и человека вообще, и мужчину в противоположность женщине (*femme*). В свою очередь *femme* обозначает и женщину вообще и жену, в отличие от незамужней женщины. Это далеко не единственные случаи во французском языке, когда один и тот же термин обозначает и множество в целом, и часть этого множества. Различия людей по полу и по возрасту по-разному отражаются лексически в романских языках, и автор делает здесь интересные наблюдения. Далее изучается обозначение возрастов в сравниваемых языках. Как известно, это одна из труднейших лексикологических проблем,

так как жестких границ между обозначением возраста нет, каждый язык устанавливает здесь свои грани. Тем не менее в книге приводятся интересные таблицы возрастных обозначений, составленные на основе словарей и анализа текстов. Любопытно, что общее обозначение ребенка (например, в значении "у нее двое детей") существует только во французском и румынском языках, тогда как в испанском и итальянском языках используются в качестве гиперонима слова, которые в первичном значении означают "сыновья". Автор делает интересное наблюдение, что в вербальном мышлении носителей французского и других романских языков сорок лет рассматривается как переломный "канонический возраст", вхождение в старость. К приводимым примерам можно было бы добавить, что в романских языках имеются особые обозначения возрастов от 40 до 100 лет: франц. *quadragénaire*, *octogénaire*, *centenaire*, которые особенно употребительны, когда нужно указать на пожилой возраст (возможно, в старину и сорокалетний возраст считался уже довольно глубоким). Также оригинальны наблюдения автора над обозначением нечленимой и членимой совокупности людей в романских языках. Во французском и итальянском языках одна и та же лексема (*gens*, *gente*) может выполнять обе функции, в испанском и португальском языках эти функции различаются морфологией слова (*gente*, *gentes*), в румынском — двумя лексемами (*lume* — *oameni*). Автор касается и практически важного вопроса о распределении лексем со значением "несколько" в их отношении к количественной оценке (франц. *quelques/plusieurs*), здесь романские языки дают различные типологические решения.

Заслуживают внимания наблюдения, касающиеся различного отражения локализации события во времени и в пространстве. Рассматриваются такие вопросы, как направленность перемещения в пространстве (здесь отмечается меньшая тавтологичность средств обозначения во французском языке, в котором обороты типа "вышел наружу" менее частотны, чем, например, в испанском), локализация взаимного расположения движущихся объектов, где романские языки проявляют тенденцию к употреблению переходных глаголов типа франц. *sui-vre*, *précéder*, а также способы локализации во времени в зависимости от тонкального или нонкального плана. Специально сопоставляются способы членения суток, которые весьма своеобразны в романских язы-

ках. Здесь, как и в сфере обозначения воз-
растов, невозможно провести четкие
разграничения даже внутри одного языка.

Последний параграф книги посвящен вы-
ражению притяжательных отношений, ко-
торые отличаются большой спецификой в
романских языках, особенно в сфере обо-
значения отделимой или неотделимой при-
надлежности. Французский язык в большей
степени вербально различает эти ситуации,
нежели другие романские языки. По-раз-
ному используется форма числа существ-
ительного для выражения дистрибутивно-
притяжательных отношений.

Проведенный сопоставительный анализ
убедительно подтвердил целесообразность
сопоставления родственных языков не толь-
ко в общих звеньях их систем, но и в микро-
системах, в способах выражения частных
понятийных категорий, в специфике язы-
ковой реакции на объекты и отношения
внеязыкового мира. Это особенно важно в
свете практического изучения языков: бла-
годаря таким сопоставлениям получает ма-
териальное воплощение то, что называют
"чувством языка". Педагогическая направ-
ленность книги подчеркивается наличием
иностранно-русских словарей, включающих
лексику многочисленных приводимых
цитат.

Исследование Т.А. Репиной показывает,
что по общности приемов, используемых в
решении определенной коммуникативной

задачи, романские языки образуют раз-
личные конфигурации. В отношении выра-
жения рода французский язык противопоставит
всем остальным, в средствах выражения
множественного числа испанский и пор-
тугальский противопоставят итальянскому и
румынскому языкам. В области форм ар-
тикли французский и итальянский отлича-
ются от трех других. Предложное оформ-
ление прямого объекта отделяет испанский
и румынский от остальных. Соотношение
синтетических и аналитических форм
глагольного времени выделяет румынский
язык из общей группы. В других случаях
французский и румынский противопостав-
лены средиземноморским языкам и т.п. Но
это разнообразие есть разнообразие внутри
единства, не нарушающее структурно-семе-
нтическую типологическую общность рома-
нских языков. Книга Т.А. Репиной под-
тверждает большой теоретический и прак-
тический интерес подобного сопоставления
родственных языков и побуждает к
продолжению подобных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Катагощина Н.А., Вольф Е.М., Лухт Л.И.,
Гурычева М.С. 1972 – Сравнительно-сопостави-
тельная грамматика романских языков. Проб-
лема структурной общности. М., 1972.

В.Г. Гак